

СЕГОДНЯ исполняется 20 лет со дня смерти замечательного советского писателя Ильи Ильфа, друга и соавтора другого замечательного писателя Евгения Петрова, 15-летие со дня гибели которого исполняется 2 июля с. г. Ниже печатаются малоизвестная «Двойная автобиография» И. Ильфа и Е. Петрова и неопубликованные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Тексты подготовлены М. Ильф и Н. Овсянниковой.

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

Год тому назад тихий греческий мальчик с горящими любопытствующими глазами из Папы-Модерато превратился в Бориса Древлянина. Это случилось в тот день, когда он окончил режиссерский цикл кинематографических курсов и считал, что отсутствие красивого псевдонима преграждает ему дорогу к мировой известности. Свой досуг Древлянин делил между кинофабрикой и пляжем. На пляже он загорал, а на фабрике всем мешал работать. В штат его не приняли, и он считался не то кандидатом в ассистенты, не то условным аспирантом.

В то время из Москвы в Одессу прикатил поруганный в столице кинорежиссер товарищ Крайних-Взглядов, великий борец за идею кинофакта. Местная киноорганизация, подавленная полным провалом своих исторических фильмов из древнеримской жизни, пригласила товарища Крайних-Взглядов под свою стеклянную сень.

— Долой павильоны! — сказал Крайних-Взглядов, входя на фабрику. — Долой актеров, этих апологетов мешанства! Долой бутафорию! Долой декорации! Долой надуманную жизнь, гниющую под светом юпитеров! Я буду обгрызывать вещи! Мне нужна жизнь, как она есть!

К работе порывистый Крайних-Взглядов приступил на другой же день.

Розовым утром когда человечество еще спало, новый режиссер выехал на Соборную площадь, вылез из автомобиля, лег животом на мостовую и с аппаратом в руках осторожно, словно боясь спугнуть птицу, стал подползать к урне для окурков. Он установил аппарат у подножия урны и снял ее с таким расчетом, чтобы на экране она как можно больше походила на гигантскую стороже-

Сатирические страницы

вую башню. После этого Крайних-Взглядов постучался в частную квартиру и, разбудив насмерть перепуганных жильцов, проник на балкон второго этажа. Отсюда он снова снимал ту же самую урну, правильно рассчитывая, что на пленке она приобретет вид жерла сорокадвухсантиметрового орудия. Засим, немного отдохнув, Крайних-Взглядов сел в машину и принялся снимать урну с ходу. Он стремительно наезжал на нее, застигал ее врасплох и крутил ручку аппарата, наклоненного под углом в сорок пять градусов.

Борис Древлянин, которого прикомандировали к новому режиссеру, с восхищением следил за обработкой урны. Ему самому тоже удалось принять участие в съемке. Засняв тлеющий окурков папиросы в упор, от чего она приобрела вид пароходной трубы, извергающей дым и пламя, Крайних-Взглядов обратился к живой натуре. Он снова лег на тротуар, — на этот раз на спину, — и велел Древлянину шагать через него взад и вперед. В таком положении ему удалось прекрасно заснять подошвы башмаков Древлянина. При этом он достиг того, что каждый гвоздик подошвы походил на донышко бутылки. Впоследствии этот кадр, вошедший в картину «Беспристрастный объектив», назывался «Поступь миллионов».

Однако все это было мелко по сравнению с кинематографическими эксцессами, которые Крайних-Взглядов учинил на железной дороге. Он считал своей специальностью съемки под колесами поезда. Этим он на несколько часов расстроил работу железнодорожного узла. Завидев тощую фигуру режиссера, лежащего между рельсами в излюбленной позе — на спине, машинисты бледнели от страха и судорожно хватались за тормозные рычаги. Но Крайних-Взглядов подбодрял их криками, приглашая прокатиться над ним. Сам же он медленно вертел ручку аппарата, снимая высокие колеса, проносившиеся по обе стороны его тела.

Товарищ Крайних-Взглядов странно понимал свое назначение на земле. Жизнь, как она есть, представлялась ему почему-то в виде падающих зданий, накренившихся на бок трамвайных вагонов, приплюснутых или растянутых объективом предметов обихода и совершенно перекореженных на экране людей. Жизнь, которую он так жадно стремился запечатлеть, выходила из его рук настолько помятой, что отказывалась узнавать себя и в крайне-взглядовском зеркале.

Тем не менее у странного режиссера были поклонники, и он очень этим гордился, забывая, что нет на земле чело-

века, у которого не было бы поклонников. И долго еще после отъезда режиссера Борис Древлянин тщательно копировал его эксцентричные методы.

Илья Ильф

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ПИСЕМ

4 октября (1935 г.)

...Сегодня третий день я двигаюсь на «Нормандии». В шторм она еще похожа на пароход, по крайней мере, качает. А в тихую погоду это просто громадная го-стиница с роскошным видом на море. Пароходного, в том смысле как мы привыкли, здесь очень мало. Но так как шторм продолжается с той минуты, когда мы покинули Гавр, то в общем впечатления все-таки морские...

В печатном списке пассажиров я значусь как m-s If (мистрис Ильф). Это смешно: еще едут с нами мистер Бутербродт, мистрис Бутербродт. Маршак бы написал про них стихи для детей: «Страшный мистер Бутербродт».

Океан безлюден. Ни одного парохода не видел. Идем мы быстро. Все время заполняем громадные американские анкеты: «Покрыты ли вы струпами?» «Анархист ли вы?» «Не дефективны ли вы?». И так далее...

17 октября

...Сейчас я смотрел «Квадратуру круга»..., которая идет на Бродвее. Очень старомодный небольшой зал. Человек в цилиндре покупал билет в кассе. Передайте Вале *, что первый человек в цилиндре, которого я видел в Нью-Йорке, покупал билет на его пьесу. Перед началом представления пять американцев в фиолетовых косоворотках исполняют русские народные песни на маленьких гитарах и громадной балалайке. Потом подняли занавес. За синим окном идет снег. Если показать Россию без снега, то директора театра могут облить керосином и сжечь. Действующие лица играют все три акта не снимая сапог. В углу комнаты стоит красный флаг. Публике пьеса нравится, смеют. Играют не генерально, но неплохо. Сборы средние. Вставлены несколько бродвейских шуточек, от которых автор поморщился бы. Кроме того, приделан конец очень серьезный и философский, насколько Лайонс и Маламут переделывавшие пьесу могут быть философиями... Шутки и философию мы однако рекомендовали Маламуту удалить. Кстати, они пьесу несколько не помагают. А так — неплохо...

* В. П. Катаеву.

Нью-Йорк, 6 ноября

...Был я на боксе в громадном зале «Медисон-сквер-гарден». Сражался Карнера с каким-то немцем. Избил его самым ужасающим образом. Не так был интересен бокс, как публика. Ревели и галдели. Вообще, американцы шумные люди, веселые и крикливые, когда у них нет особенных забот. Свои газеты они шаркают прямо на тротуар. Идет человек и держит в руках газету весом в три фунта. И вдруг, как шаркнет ее. Вечером, по всему Нью-Йорку их носит ветер...

Оклахома, 15 ноября

...Я писал тебе из Ганнибалы, но не писал, что это такое. Маленький город на Миссисипи, где Марк Твен жил до 20 лет. Тут есть памятник Тому Сойеру и Гекльберри Финну, и все знают, с кого писали Бекки Тэчер, и у ее дома стоит мемориальная доска. Город чем-то не похож на другие, есть какие-то склоны, подьемы, обрывы, он очень похож на город Тома Сойера. Памятники паршивые. Собираются воздвигнуть еще один — всем героям Твена сразу и ему самому заодно. Он обойдется в миллион долларов и при такой сравнительно небольшой цене будет один из самых безобразных памятников в мире. Я видел его модель...

Двайт, 17 ноября

...Из Чикаго мы почти бежали. Это уж слишком откровенный город. Вдоль озера Мичиган стоит великолепный фронт небоскребов. Весь горизонт занят ими. Я жил на набережной в отеле Стивенс. Там три тысячи комнат. В здании неподалеку выставлен кукольный домик, который какой-то дурачок подарил какой-то киноактрисе. Он стоит миллион долларов. Все ходят на него смотреть. А рядом с этим, в двух шагах совсем не фигуральных, начинается какая-то неслыханная дрянь. Разбитые мостовые, разбитые дома, пустыри, отвратительные дощатые заборы, переломанный кирпич, обломки железа, мусор и дым. Дым всякий — черный, белый, серый. В самом центре города какие-то старые фабричные корпуса, грязные железные дороги, опять каная-то ржавая жель, расколотые унитазы. А если есть место получше, то наземная железная дорога закрывает весь свет и день. Ходил по городу с омраченной душой. Если стоять у озера, то нельзя поверить, что тут есть вся эта каменная и железная нищета, а если отойти на квартал, то не веришь, что есть грандиозный бульвар и озеро...

Бенсон, Аризона, 27 декабря

...Обыкновенный американский городок — несколько прекрасных газolino-вых станций для проезжающих на автомобилях, две или три аптеки, продуктовый магазин, где все продается уже готовое — хлеб нарезан, суп сварен, сухарики к супу завернуты в бумагу. Что

тут люди могут делать, если не сходиться с ума? Некоторые сходят, но таких немного. Большинство живет, утром ест ветчину с яйцами, много работает, любит своих жен и помогает им хозяйничать, очень мало читает и довольно часто ходит в кино. Там они смотрят фильмы, которые почти все ниже достоинства человека. Такие фильмы можно показывать котам, курам, галкам, но человек не должен все это смотреть. Однако обитатели городков смотрят и не сердятся. Можно даже услышать, выйдя из кино, как они говорят: «Я имел хорошее время». Ну, бог с ними. Почему так происходит — дело сложное и коротко рассказать нельзя.

Эль-Пасо, Техас, 29 декабря

...Сегодня мы все пошли смотреть бой быков в Хуареце... Я об этом не жалею, но скажу тебе правду — это было тяжелое, почти невыносимое зрелище. Очень красивый и очень грубо построенный круглый цирк без крыши. Какое-то народное по характеру здание. Хорошие люди сидели на цемент-

ных сиденьях. Тем, которые боялись простудиться, продавали за десять центов матрасные подушечки. Играл большой оркестр из мальчиков, одетых в серые штаны с белыми лампасами. В программе было четьре быка, которых должны были убить две девушки-торреро. Быков убивали плохо, долго. Первая торреадорша колола своего быка несколько раз и ничего не могла сделать. Бык устал, она тоже выбилась из сил. Наконец, быка зарезали маленьким кинжалом. Девушка-торреро заплакала от досады и стыда...

С другими быками тоже дело шло плохо. Но особенно подлое зрелище было издевательство над четвертым. Это был шуточный номер. Матадор и его товарищи были одеты в дурацкие цирковые костюмы, делали всякие клоунские глупости, и от этого все сделалось еще унижительнее и страшнее. Раз в жизни это можно посмотреть, но здесь нет никакого спорта. Бык не хочет бороться. Он хочет назад, в свой хлев. Его надо ужасно мучить, чтоб он разозлился...

Составить автобиографию автора

ДВОЙНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

«Двадцать стульев» довольно затруднительно. Дело в том, что автор родился дважды: в 1897 году и в 1903. В первый раз автор родился под именем Ильи Ильфа, а во второй раз — Евгения Петрова.

Оба эти события произошли в городе Одессе.

Таким образом, уже с младенческого возраста автор начал вести двойную жизнь. В то время, как одна половина автора барахталась в пеленках, другой уже было шесть лет и она лазила через забор на кладбище, чтобы рвать сирень.

Такое двойное существование продолжалось до 1925 года, когда обе половины впервые встретились в Москве.

Илья Ильф родился в семье банковского служащего и в 1913 году окончил техническую школу. С тех пор он последовательно работал в чертежном бюро, на телефонной станции, на авиационном заводе и на фабрике ручных гранат. После того был статистиком, редактором юмористического журнала «Синдикон», в котором писал стихи под женским псевдонимом, бухгалтером и членом президиума Одесского союза поэтов. После подведения баланса выяснилось, что перевод оказался на литературной, а не бухгалтерской деятельности, и в 1923 году И. Ильф переехал в Москву, где и нашел свою, как видно окончательную, профессию — стал литератором, работал в газетах и юмористических журналах.

Евгений Петров родился в семье преподавателя и в 1920 году окончил классическую гимназию. В этом же году сделался корреспондентом Украинского

телеграфного агентства. После того в

течение трех лет служил инспектором уголовного розыска. Первым его литературным произведением был протокол осмотра трупа неизвестного мужчины. В 1923 году Евг. Петров переехал в Москву, где продолжил образование и занялся журналистикой. Работал в газетах и юмористических журналах. Выпустил несколько книжечек юмористических рассказов.

После стольких приключений разрозненными частям удалось, наконец, встретиться. Прямым следствием этого и явился роман «Двадцать стульев», написанный в 1927 году, в Москве.

В таких случаях авторов обычно спрашивают, как это они пишут вдвоем. Интересующимся можем указать на пример певцов, которые поют дуэты и чувствуют себя при этом отлично.

После «Двадцати стульев» нами выпущены в свет сатирическая повесть «Светлая личность» и две серии гротескных новелл: «Необыкновенные истории из жизни города Колоколкамска» и «1001 день или Новая Шахерезада».

Сейчас мы пишем роман под названием «Великий комбинатор» и работаем над повестью «Летучий голландец». Мы входим в недавно образовавшуюся литературную группу «Клуб чудаков».

Несмотря на такую согласованность действий, поступки авторов бывают иногда глубоко индивидуальными. Так, например, Илья Ильф женился в 1924 году, а Евгений Петров в 1929.

И. ИЛЬФ.

Е. ПЕТРОВ.

Сочинено 25 июля 1929 г. Москва.